

МЕТАФОРА В РАЗЛИЧНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМАХ

Кабулова Л.Т

*Каракалпакский государственный университет имени Бердаха Доцент
кафедры русского языка и литературы*

Аннотация: *Тема метафоры волнует человечество со времен античности, и по мере его развития и постижения им окружающего мира и себя в этом мире интерес к роли метафоры лишь возрастает, расширяя сферу ее обитания. Сегодня не только философия, лингвистика и психология, но и целый ряд других наук пытаются каждая со своей стороны найти ответы на вопрос о том, что современная наука понимает под метафорой, поскольку от ответа на него, от понимания природы этого феномена в первую очередь будет зависеть то, как его изучать.*

Ключевые слова: *метафора, язык, исследователи, многогранные функции метафоры*

Тема метафоры волнует человечество со времен античности, и по мере его развития и постижения им окружающего мира и себя в этом мире интерес к роли метафоры лишь возрастает, расширяя сферу ее обитания.

Метафора, этот инструмент языка, испокон веков притягивала внимание исследователей из самых разных областей знания. Способность метафоры переносить смысл между, казалось бы, далёкими друг от друга явлениями, рождать новые ассоциации и обогащать понимание мира делает её объектом изучения в рамках различных научных парадигм. Каждая из них, в свою очередь, вносит собственный, уникальный вклад в раскрытие природы и многогранных функций метафоры.

Исследование метафоры – это увлекательное погружение в самую суть человеческого мышления. Именно через призму метафорического осмысления мы получаем возможность увидеть, как человек оперирует абстрактными понятиями, структурирует свой жизненный опыт и строит коммуникацию с окружающим миром. Разные исследовательские парадигмы предлагают собственные подходы к анализу метафоры, помогая раскрыть её когнитивные, лингвистические, социальные и культурные грани.

Весьма затруднительно точно сказать, когда человек стал выделять метафору в своей речемыслительной деятельности. Доподлинно известно лишь, что первое упоминание о метафоре (которая, очевидно, существовала ранее) принадлежит, известному афинскому оратору, говорившему о метафоре как о средстве украшения речи поэтов, «ставя её в один ряд со

словами иностранного происхождения, заимствованными из других языков, и неологизмами» [7; с. 19].

Первая философская трактовка метафоры связана с именем одного из самых известных философов Древней Греции – Аристотеля, обратившего внимание на функциональный аспект обсуждаемого феномена. Метафора представлялась как субститут (замена одного слова на другое), который относится исключительно к сфере риторики или поэтики и не затрагивает способы мышления об объекте или предмете, подчиняющиеся правилам формальной логики.

Смысл метафоры, по Аристотелю, заключается в присвоении объекту такого имени, которое изначально принадлежит другому объекту. Таким образом, обсуждаемый феномен предстает как риторическая фигура, основой которой является аналогия. При этом метафора, по мысли философа, не имеет никакой связи с контекстом.

Суждения Аристотеля о метафоре, в современном значении термина, легли в основу последующих «риторик» и «поэтик». В то же время теория метафоры, как и учение о тропах в целом, постепенно развивалось, появлялись новые положения, уточнения.

В античности ученые, изучая метафору, классифицировали ее как особый тип значения. Аристотель, например, разделил слова на обычные и "необычные", где "необычные" включали редкие, переносные, украшательные и другие слова. Метафора, таким образом, попадала в группу "необычных" слов, противопоставленную "обычным". Аристотель считал "обычным" словом то, которое используют все, а "необычным" – любое другое, включая метафоры. В «Поэтике» и «Риторике» философ рассматривал метафоры с позиций описания связанных с ней явлений (феноменов).

Разделение Аристотелем логики и риторики, слов и мысли, «обусловило и возникновение двух линий по отношению к метафоре – логической и риторической». Ученик и последователь философского учения Аристотеля Аристид Квинтилиан выдвинул собственную версию, сводившую метафору фактически до уровня сокращенного, или эллиптического сравнения. Именно этому философу принадлежит авторство типологии метафоры, в рамках которой выделялись следующие типы переносов: 1) с живого предмета на живой, 2) с неживого объекта на неживой, 3) с живого на неживой и 4) с неживого на живой [8]. Квинтилиан впервые выделил вторичный смысл, показав разницу между аллегорией и метафорой.

Серьезную альтернативу аристотелевской концепции могла составить философско-семантическая теория метафоры Гермогена. «Гермоген, по-видимому, является единственным философом античности, который увидел

уникальную структуру метафоры, представляющей собой действие, свершающееся не только на уровне слов, но и в области мыслей».

Гермоген подчеркивал, что метафора влияет как на языковые символы, так и на их значение. Он разработал "двухслойную" модель метафоры, где на первом уровне взаимодействуют слова, а на втором – семантические значения. По его теории, метафора на первом уровне представлена словом, объединяющим два понятия, а на втором – идеей, вбирающей в себя значения двух вещей. Несмотря на свою глубину, эта концепция оставалась незамеченной в течение двух тысячелетий и лишь в XX веке она стала центральной концепцией в когнитивной лингвистике.

В Средние века Ансельм Кентерберийский и грамматисты Пор-Рояля подчеркивали реальность существования универсалий, как в языке, так и в человеческом сознании. Дебаты о связи между вещами и их названиями ("модисты") стали частью теологических дискуссий. Тропы, особенно метафора, благодаря вызываемым ими ассоциациям сходства, занимали важное место среди этих универсалий [8]. Средневековая наука противопоставила античной риторике собственную теорию метафоры, признавая ее онтологическую значимость. Метафора стала не просто стилистическим приемом, а способом отражения чувственного мира, прообразом реальности. Ее существование считалось изначально заданным человеческому мышлению [1]. Метафора представляла собой точку соприкосновения божественного логоса и человеческого слова. Средневековая метафора, предполагая правдоподобность и близость к человеческому разуму, не противоречила Священному Писанию. Как и в античности, она отождествлялась с аналогией и сравнением. Однако, в отличие от концепции Аристотеля, где метафора соотносила бытие человека и Космоса, в средневековой философии она стала "переносом слова с тварей на Творца" [4]. В основе средневековой метафоры лежала жажда познания идеальной реальности, стремление к "чуду". Модальность метафоры отражала предположительность и теоцентричность средневекового познания. Ей была присуща семантическая динамика и диалектическая многоуровневость. Смысл в метафоре представлялся в свернутом виде, допускающем множество толкований.

Таким образом, средневековая теория метафоры, с одной стороны, опиралась на античную традицию, а с другой стороны, демонстрировала уникальный подход к вербализации познания, отражающий особенности средневекового философского мышления.

До XVIII века, следуя аристотелевской традиции, метафора рассматривалась исключительно как риторическая фигура. В эпоху

классицизма и барокко ее присутствие в речи, в особенности в теологическом дискурсе, считалось лишь украшательством.

В период раннего Возрождения начался постепенный отказ от средневекового противопоставления риторики и реальности. Эффективность и наглядность метафорических структур стали применяться в познавательном процессе, позволяя более точно выражать индивидуальные суждения о воспринимаемой реальности. Метафоры способствовали более достоверному выражению мыслей, избегая отвлеченных формулировок и абстракций. Мысль и слово получили самостоятельный статус в познании. В эпоху Возрождения также подчеркивалась психологическая функция метафоры, облегчающая понимание.

Активное использование метафор в создании новых лексических конструкций в этот период привело к появлению концепции о метафоре как о необходимом художественном способе выражения смысловой взаимосвязи между объектами. Однако средневековая формальная логика, отвергая вероятностные знания в науке, ставила под сомнение познавательный потенциал метафор. В результате, в эпоху Возрождения сформировались две противоречивые теории метафоры.

Раннее Возрождение активно применяло метафорические конструкции, выделяя их эстетическую, познавательную и психологическую функции. С XVI века преобладала тенденция к дифференцированному отношению к сфере применения метафор, признавая их приемлемость только в художественной речи. В научном языке их присутствие считалось необоснованным. [2].

Философы Нового времени, особенно логического направления, считали метафору ненужным украшением, источником двусмысленности и заблуждения, искажающим буквальное значение и лишенным когнитивного значения. Т. Гоббс утверждал, что использование слов в непрямом смысле обманывает как говорящего, так и слушателя. Он считал, что речь служит выражению мысли и передаче знания, и для этой цели пригодны только слова в их прямом значении, которое поддается проверке [9]. Т. Гоббс видел в метафоре и переносных значениях препятствие выполнению этой основной функции языка. Философ подчеркивал, что «светом человеческого ума» могут быть только четкие слова, очищенные от двусмысленности точными определениями. Рассуждение – это шаг, рост знания – путь, а благополучие человечества – цель. Метафоры же и двусмысленность подобны «блуждающим огням», ведущим к нелепостям, разногласиям, возмущению и презрению.

Джон Локк, британский эмпирик, утверждал, что научные теории и определения несовместимы с метафорой [9]. Он считал, что в языке нужно

стремиться к точным определениям, однозначности и определенности, что является основополагающим принципом объективистского направления в западной философии. Продолжая традиции эмпиризма, Локк в своих критиках несовершенства языка выражал презрение к образной речи, которую он видел как инструмент риторики и врага истины. По его мнению, образное использование слов служит только для внушения ложных идей, возбуждения страстей и введения в заблуждение разума, а значит, является обманом. Склонность человека к метафоре Локк считал противоестественной.

Взгляды философов Нового времени, выступавших за логическое мышление, нашли свое продолжение в позитивизме. Позитивисты рассматривали метафору как эмоциональное украшение речи и исключали ее из языка научного познания. По их мнению, научные утверждения и слова должны находиться в однозначном соответствии с фактами реальности. Они считали, что метафоры всегда могут быть заменены буквальными выражениями без потери смысла, только тогда они могут соотноситься с действительностью.

В XX веке философский анализ переместился в сферу языка, что называют "лингвистическим поворотом". Философские идеи "логиков" были заменены воззрениями романтиков. Это позволило по-новому понять метафору и процессы метафоризации, связанные с динамикой мышления. Аналитическая философия показала, что риторические тропы, считавшиеся излишествами, не только не могут быть отброшены, но и формируют язык, делая его инструментом описания и коммуникации.

Таким образом, метафора сводит философские идеи к очевидным истинам, понимание которых не требует специальных знаний. Это возможно благодаря наличию в ментальных структурах человека надындивидуального смысла, который позволяет использовать более широкие ассоциативные комплексы. Метафора направлена на "схватывание" целостностей, на постижение философских идей в их полноте, на усмотрение общего в частном. В философских теориях XX века метафора приобрела статус достоверной мыслительной структуры, обладающей научной легитимностью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Августин А. Исповедь: пер. с лат. М.: Канон+. 2000. 464 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики/ отв.ред. и авт.вступ.ст. М.М. Розенталь. М.: Наука, 1972. Т. 3. 374 с.

3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского// Гоббс Т. Собр соч. М.: Мысль, 1991. 732с.
4. Ермоленко Г. А. Метафора в языке философии: дисс. ... канд. философ. наук. Краснодар, 2000. 180 с.
5. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва: Наука. 1976.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 552 с.
7. Полозова И. В. Метафора как средство философского и научного познания. дисс. ... д-ра филос. наук. М.: РГБ, 2003.
8. Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль. Перевод с древнегреч., общ. ред. А. И Доватура, 1984. 830 с.
9. Локк Дж. Соч.: в3 т. Т. 1. М., 1985. 567 с.